

АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ

ГОРОД
ПОБЕДИТЕЛЯ

Александр Беляев
Город победителя

«Public Domain»

1930

Беляев А. Р.

Город победителя / А. Р. Беляев — «Public Domain», 1930

«Карл Фит открыл глаза и улыбнулся. Уже несколько дней он просыпался с улыбкой на губах – быть может потому, что засыпал с мыслью о том, как хороша и интересна жизнь. И как вчера, как третьего дня, он внимательно посмотрел вокруг себя. Он закинул голову назад и увидел балконную дверь, через стекла которой в комнату вливались косые лучи утреннего солнца; скользнул взглядом по небольшому письменному столу из белого дуба и удобному рабочему креслу; повернул голову, осмотрел платяной шкаф в стене, как бы желая удостовериться, все ли на месте, и закончил осмотр умывальником около двери. Все на месте. Все так, как вчера, в этой маленькой, чистенькой, беленькой комнатке. А картины на стенах и букет на столе?...»

© Беляев А. Р., 1930

© Public Domain, 1930

Александр Беляев

Город победителя

Карл Фит открыл глаза и улыбнулся. Уже несколько дней он просыпался с улыбкой на губах – быть может потому, что засыпал с мыслью о том, как хороша и интересна жизнь. И как вчера, как третьего дня, он внимательно посмотрел вокруг себя. Он закинул голову назад и увидел балконную дверь, через стекла которой в комнату вливались косые лучи утреннего солнца; скользнул взглядом по небольшому письменному столу из белого дуба и удобному рабочему креслу; повернул голову, осмотрел платяной шкаф в стене, как бы желая удостовериться, все ли на месте, и закончил осмотр умывальником около двери. Все на месте. Все так, как вчера, в этой маленькой, чистенькой, беленькой комнатке. А картины на стенах и букет на столе? Нет, и они на месте: два прекрасных этюда масляными красками – эпизоды героической борьбы пролетариата за власть. Большие круглые часы, висевшие над дверью, смотрели своим циферблатом, и стрелки вытянулись почти вертикально. Было без одной минуты шесть. В это время всегда просыпался Фит. Вот стрелки вытянулись в прямую совершенно, и тотчас послышался мягкий, но довольно сильный баритон, который неведомо откуда проговорил:

– Шесть часов, пора вставать!

Баритон этот принадлежал Фиту. Вчера он отдал такой приказ, ложась спать, механическому слуге – валику граммофона, соединенному особым аппаратом с часами. Но Фит давал ежедневно такой приказ самому себе больше для забавы. Его не нужно было будить – просыпался он всегда аккуратно в одно и то же время.

– Благодарю вас, – ответил Фит, улыбаясь часам, и быстро поднялся с кровати. Он быстро сложил кровать и вдвинул ее в стену, натянул на ноги туфли и вышел в коридор. Из всех дверей выходили люди в таких же халатах, мужчины и женщины, и шли: мужчины вправо, женщины влево.

– Гут-морген! – окликали Фита веселые молодые голоса.

– Добрый утро! – отвечал он по-русски и махал рукой.

Фит открыл дверь в стене длинного коридора, и до его ушей донесся разноголосый шум: ливень, веселые голоса, фыркание, хлопанье руками по голому телу, всплески воды. Все эти звуки сливались в своеобразную «водяную» симфонию. Да, в этом огромном зале было настоящее царство воды. Свет, проникавший через стеклянный потолок, освещал бассейн, в котором плавали молодые люди, со смехом перегоняя друг друга. Направо и налево расположились кабинеты душ, а в стене против входной двери, виднелось множество дверей, которые вели в отдельные ваннные комнаты. Фит обходил бассейн, пробираясь к своей ванне.

– Кто это? – спросил молодой человек в бассейне показывая глазами на Фита.

– Немец, экскурсант, – ответил плывший рядом.

Фит вошел в ванную комнату, быстро разделся и опустился в уже готовую ванну. Выйдя из ванны и насухо растерев тело мохнатым полотенцем, он прошел в соседний зал.

Если первый зал был царством воды, то здесь было царство воздуха и гимнастических машин. Молодые люди в трусах занимались «утренней зарядкой», усиленно тренируясь. Пожилые не отставали. Фит присоединялся к ним и начал старательно проделывать различные телодвижения: выбрасывать руки вверх, вниз, в стороны, приседал, поднимался... Фит страдал. Все это выходило у него не так четко, как у остальных, видимо хорошо тренированных людей.

– Ничего, привыкнете, – говорили ему соседи.

Немец виновато улыбался, упрямо приседал и стрелял руками в стороны. «Привыкнете!» Немного обидно. Давно ли немцы были во всем учителями русских?..

Четверть седьмого. Довольно! Фит идет в ванную, надевает утренний халат и возвращается в свою комнатку. Совсем маленькая! И она показалась бы еще меньше, если бы не знать

кое-чего, – как она устроена и каковы порядки в этом чудесном доме-коммуне. Нужна ли большая комната, если отличная вентиляция доставляет чистый воздух с избытком и если комната ни на что больше не нужна, как только для того, чтобы поспать в полной тишине да – если придет желание – остаться часок другой наедине. Фит не привык тратить время на уединение. Он горел желанием осмотреть как можно больше и как можно скорее. Да, он не много тратил время на пребывание в этой комнате – и все же она чрезвычайно нравилась ему. Внешний облик комнаты, вся ее простота и даже малый размер настраивали на особый лад. Лишенная на первый взгляд многих необходимых вещей, она говорила о том, что человек должен быть прежде всего свободен от плена этих самых вещей, от власти громоздкой мебели, ненужных безделушек, пыльных штор. В самом деле, разве не приятно сознавать, что куда бы ты ни захотел ехать, везде ты найдешь вот такую простую комнату для сна и отдыха, где нет ничего лишнего и есть все необходимое. В комнату приятно было войти и не жалко ее оставить. Она воспитывала сознание того, что человек не «комнатный жилец», а жилец и хозяин всего этого огромного, кипящего жизнью дома.

– Хорошо! – сказал Фит, переодеваясь. Через несколько минут он уже был готов к выходу – на нем был простой, удобный, изящный костюм, облегающий талию, но свободный в груди и плечах.

Половина седьмого. Фит выходит из комнаты, не запирая ее – здесь кражи неизвестны – и, пройдя коридором, входит в столовую.

Во всю длину большого светлого зала, в несколько рядов тянутся широкие столы. Посредине столов во всю их длину, возвышаются ящички со множеством окошечек. Рядом с окошечками – кнопки номерами и меню. Против каждого названия – кофе, чай, молоко – цифра. Во всем зале ни одного человека прислуги. На «ящиках» – букеты живых цветов. Фит усаживается за стол против «окошечка», читает меню и нажимает кнопки под номерами 3 и 12. Через минуту откуда-то снизу поднимается и становятся в окошечке длинного ящика стакан кофе со сливками и ломти белого хлеба, намазанные сливочным маслом и сверху вареньем.

Фит берет с подноса еду и с аппетитом завтракает. Затем он ставит тарелку и пустой стакан на поднос в окошечке, нажимает кнопку – и поднос проваливается.

Без десяти семь. Пожалуй можно еще побриться и почистить ботинки. Это рядом со столовой. Удивительная бреющая машинка кончает свое дело в одну минуту. В то же самое время механический чистильщик натирает ботинки Фита до зеркального блеска. По ассоциации Фит вспоминает об одной оплошности, им допущенной: он забыл привести в порядок, с помощью механического слуги, свою комнату. Забыл же потому, что даже привычный к чистоте немецкий глаз не смог заметить в комнате ни малейших следов пыли или грязи. Но пыль и грязь могут появиться, если за комнатой не следить каждый день! Наблюдение за чистотой входит в обязанность всех проживающих в доме-коммуне. Каждый отвечает за чистоту своей комнаты. Скорее исправить оплошность! Фит спешит к себе, в комнату 1235. Он хотел 1234, тогда было бы еще удобнее запомнить.

Это очень просто! Механическая щетка выметает и натирает пол, пылесос пожирает пыль. Сначала приводится в порядок половина комнаты у двери. потом письменный стол легко откатывается, кресло ставится на стол и убирается вторая половина комнаты – у балконной двери. заменяющей одновременно окно. Пыль по особым мусоропроводным трубам поступает вниз. Пол сверкает. Комната блестит! Но надо еще протереть окна. Опять механические щетки другого устройства. Готово. Все механизмы складываются и прячутся в нижний ящик удобного стенового шкафа.

Кто-то стучит в дверь.

– Войдите! – дверь открывается. У порога стоят хорошенькая беловолосая девочка и черномазый мальчик. В руках у девочки – букет, у мальчика – корзина с цветами.

– Доброе утро, дорогой товарищ Фит! – говорит девочка на хорошем немецком языке. – Я принесла Вам свежих цветов.

– Доброе утро! – приветствует Фита и малыш с корзиной цветов.

Фит здоровается с детьми, благодарит за цветы. Девочка быстро меняет букет цветов на столе. В вазе красуются теперь чайные розы. Отжившие свой век гвоздики бросаются в мусорную трубу. Труба эта уносит вместе с водой все отбросы дома далеко за город, где они перерабатываются.

Фит еще хочет поговорить с детьми, порасспросить их о том о сем, но дети спешат. Ведь они приняли шефство над цветами дома и строго относятся к своим обязанностям, а дела у шефов в это летнее утро еще очень много. Дети приветливо кланяются Фиту и торопятся дальше. Фит долго улыбается им вслед, потом смотрит на циферблат над дверью. Семь часов двенадцать минут. Фит открывает дверь и выходит на балкон. Массивные перила утопают в цветах. Вьющиеся растения закрывают балкон с боков. Фит смотрит вниз, с высоты третьего этажа.

Отсюда, с высоты, город поражал не грандиозностью, а своеобразием: он меньше всего походил на город, хотя население его приближалось к шестидесяти тысячам.

Море зелени расстилалось внизу – бесконечные парки и сады. Они затопляли весь город, как вешние воды, и среди этого зеленого моря поднимались, подобно скалистым островам, красивые дома, не выше четырех этажей, окрашенные в светлые тона, хорошо гармонизировавшие с зеленым фоном парков и садов. Только далеко направо дома стояли гуще – там была площадь Революции, где помещались правительственные учреждения. А налево блестела излучина реки, покрытая уже в этот ранний час гребными лодками и парусными яхтами: «выходники» спешили использовать день отдыха на вольном воздухе.

Откуда-то донесся звук колес мягко катящихся по рельсам, и через зеленое море проследовал на высоте вершин деревьев воздушный электрический поезд – «Рapid-транзит», который вез на завод рабочих. Такие поезда шли с пятиминутными перерывами в продолжение получаса, увозя на работу треть взрослого населения города. Количество и состав поездов были рассчитаны так, чтобы каждый рабочий мог усесться в свой поезд на свое, без давки и очередей. В этом городе ни одна минута не терялась напрасно. Через пять часов «Рapid» вернет рабочих и заберет новую смену. Завод работает в три смены по пяти часов – от семи утра до десяти ночи. Фит непременно побывает на заводе и посмотрит как организована работа.

Фит возвращается в комнату, подходит к письменному столу и вынимает из ящика пишущую машинку. Такие машинки имеются в каждом столе каждой жилой комнаты этого дома. Через минуту Фит пишет на бесшумно работающей машинке.

«Дорогой Фриц!

Ты просил написать о моих впечатлениях. Это не легко сделать. Особенность социалистического города, в котором я живу, заключается в том, что он поражает не американскими масштабами, а своей внутренней целесообразностью. Этот город я назвал бы фабрикой для переделки людей. Такие фабрики нам в Германии еще только предстоит строить. Начиная от архитектуры зданий и кончая укладом жизни, все устроено так, что ты незаметно для самого себя становишься совершенно иным человеком. Начать хотя бы с этой маленькой спартанской комнаты, в которой я нахожусь. Ты сам знаешь, что наши рабочие – и в особенности наши жены – еще не успели отрешиться от буржуазного «уюта». И я уверен, что ты – и тем более твоя милая Марта – пришли бы в ужас от этой комнаты. Она показалась бы Вам слишком бедной, слишком уж простой. Ни ковра, ни занавесок, ни полочек. Но... надо пожить день, чтобы понять всю целесообразность этой простоты и ненужность загромождения комнат всем тем хламом – вазочками, занавесочками, полочками, статуэтками, которые делают так называемый «уют» наших немецких квартир.

Представь в моей комнате – единственный стул! разве это не ужас? Я не могу даже принять гостя! Но достаточно выйти в коридор и пройти несколько шагов, и ты уже в гостиной – с коврами, мягкой удобной кожаной мебелью, цветами на столе, прекрасными картинами на стенах, ты встречаешься с кем тебе хочется, выбираешь место и ведешь с приятелями дружескую беседу. Кресла, столики и диваны расставлены так, что группы беседующих не мешают друг другу. Я, например, облюбовал уголок у окна, где стоят пара кресел, окруженных огромными цветущими олеандрами. Ты находишься как будто в саду. В открытое окно льется чистый воздух, насыщенный озоном. Никто тебе не мешает и ты ни кому не мешаешь и в этом чудесном уголке я провел не один вечер, беседуя с моими новыми друзьями. Я узнал от них много интересного, что трудно узнать и подметить иностранному туристу, притом слабо владеющему русским языком.

Но прости мне. Перегруженный новыми впечатлениями, я отвлекаюсь в сторону и пишу бессистемно. Попробую вогнать себя в рамки, придерживаясь хотя бы хронологического порядка.

Из Москвы я вылетел на аэроплане, летел на юго-восток, с жадным любопытством глядя вниз, на просторы нового мира, который не знает рабства и подневольного труда. Если бы не развернутая карта передо мною, где отмечался маршрут полета, я бы мог подумать, что лечу не над страной мирного труда, а над полем сражения. По широким полям двигались «танки», гуськом и развернутым строем, в одиночку и целыми стадами. Они то собирались в группки, то, как будто резвясь, убегали друг от друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.